

3. Теоретический или богословско-философский исихазм (второй этап) привился на Руси, по-видимому, в меньшей степени, ибо мы не имеем собственно русских теоретических сочинений этого периода и свидетельств о собственном творчестве в этой области.¹³⁸ Но это не значит, что нельзя ставить вопрос о философии на Руси XIV—начала XV в. Однако подходить к ней надо как к русской «рецензии» единой для Восточной христианской Европы философской системы. Материалом для изучения здесь должны послужить переводы с греческого сочинений псевдо-Дионисия Ареопагита, Диоптры Филиппа Философа, пользовавшиеся, судя по количеству сохранившихся списков, очень большим успехом у славянских и русских читателей, а также упомянутых выше авторов-созерцателей (Симеона Нового Богослова, Иоанна Лествичника, Григория Синаита и др.), в трудах которых сентенции и рассуждения общеполитического характера встречаются в изобилии. Сочинений самого Григория Паламы в русской письменности мало.¹³⁹ Русские пользовались результатами исихастских споров, входить же во все философско-богословские тонкости и нюансы было, очевидно, и трудно еще для них, и незачем. Усвоение на Руси исихазма было скорее практическим, а в общественно-идеологической сфере заключалось в проникновении новых идей и понятий (например, понятий «мысленного рая» и «мысленного солнца правды»), в создании новой «общественной самоочевидности», нового стиля духовно-культурной жизни и художественного творчества.

4. «Политический» исихазм. Судьбы Византии сложились так, что во второй половине XIV в. церковь имела гораздо больший общественный вес и во внутренней жизни страны и в ее международных отношениях, чем государство, двор. Означало ли это, что связи Византии с другими православными странами стали чисто церковными, безотносительными к политике?

Император Иоанн V Палеолог надеялся на помощь с Запада и потому признал папу римского верховным религиозным главой. Неужели же исихасты, отвергая папские притязания, не питали со своей стороны совершенно никаких надежд на освобождение христианской «Римской» империи от иноверных завоевателей? Неужели патриарх Филофей, активно занимаясь делами вселенской церкви, не думал о ее земных судьбах?

Что патриарх Филофей думал о судьбах своей страны и надеялся на ее спасение, показывают даже названия сочиненных им молебных канонов: «На поганья», «В усобных и иноплеменных бранех» и др.

Но какое отношение исихастское движение имело к политическому возрождению Руси, подъему Московии, может показать лишь конкретное исследование соответствующей деятельности патриарха Филофея и его последователей.

¹³⁸ Оно придет позже, в XV в., с Нилом Сорским.

¹³⁹ Встречаются лишь «Слово на Успение пречестных богородицы». «Беседование» Паламы с хионами, записанное врачом Таронитом, и антилатинская полемика об исхождении св. духа. Подробнее см.: J. Me y e n d o r f f. Introduction. Appendice I, стр. 334—335.